Пролог

С мыслью, что услышала вдалеке крик зверя, фигура, вздрогнув, отступила.

Потратив время на то, чтобы медленно осмотреть окрестности, она снова пошла дальше.

Однако шаги её были шаткими. Покачиваясь, словно ветка на ветру, она хромала при каждом шаге.

На ней был одет летный костюм для полетов на дирижабле, но вся одежда оказалась разорвана по всей ее площади, однако причина, по которой кожа на ее руке осталась полностью обнажена, заключалась в том, что она сама порвала там ткань, обернув её вокруг своей головы. Сквозь ткань виднелись слабые пятна крови.

Даже время ощущалось смутно. Ей казалось, что она идет практически вечность, но в то же время, будто прошло меньше часа с момента начала пути.

Темнота вокруг определенно увеличилась.

Что означает... По крайней мере, десять часов. Казалось, туман навис над ее сознанием, и она едва могла уловить эту мысль в уголке своего разума.

Она помнила, что бой начался незадолго до рассвета. В тот момент она пыталась остановить войну, но ее способностей не хватило, чтобы справиться с этой задачей. В конце концов, недалеко от границы произошла перестрелка.

Несмотря на это, она не могла сдаться. Она летела на дирижабле. Чтобы ослабить дух врага, она зашла настолько далеко, что сделала вид, будто бросается на них.

Но когда она повернулась, чтобы увеличить расстояние между ними, случайный выстрел попал в корму корабля.

Удачей среди несчастий можно было назвать то, что она не набрала слишком большую высоту из-за необходимости угрожать противнику. В один момент ее выбросило из кабины в воздух, и в следующую секунду она обнаружила, что скатилась к подножию горной тропы.

Когда она пришла в себя, какофония битвы полностью пропала. Ничего, кроме тихих горных пейзажей, раскинувшихся вокруг.

Таща своё больное тело, она направилась обратно к дирижаблю. Если пойти по тропинке вверх, она должна найти корабль, а в нём карту и компас.

Но сколько бы она ни поднималась, ни тени, ни очертания дирижабля не было видно. И хотя битва однозначно произошла, трупов ей на пути не попадалось. К тому времени, когда она поняла, что удаляется с поля битвы, она уже потеряла чувство направления.

В голове пульсировала боль. Поднеся к ней руку, она впервые заметила, что рана кровоточит.

Хотя она разорвала свою одежду в клочья и обмотала ими голову, это не могло стереть тревожное ощущение того, что ее бросили в одиночестве в неизвестной стране.

Когда она осталась неподвижной, внизу живота возникло странное чувство. Ее тело задрожало, инстинктивно хотелось закричать.

Поэтому она бесцельно двинулась вперед. Если она остановится, ей придется признать, что это чувство можно назвать только страхом. К настоящему времени тропа тянулась вниз. Несмотря на то, что она решила продолжить спуск, когда смотрела на него сверху, пока шла по нему неустойчивыми шагами, по какой-то причине она снова обнаружила, что идет по восходящей тропе.

Признаков жизни вокруг не наблюдалось.

Даже когда она напрягла уши, все, что она услышала, было щебетание птиц. Эхо мечей и выстрелов совсем не доходило до нее.

Подумав об этом, изменить направление на обратное оказалось ошибкой. В конце концов, так она терялась все больше и больше.

Окрестности постепенно окутывала тьма. Заметив это, ее раздражительность усилилась. Ночью открывался бы прекрасный вид, на который можно любоваться изнутри, через окно. Но теперь, когда она лично оказалась в центре всего этого, он не сулил ничего хорошего. Свет погас, и ей пришлось продолжать идти в одиночестве по этому холодному миру без единой капли тепла.

Разве хотя бы где-то здесь нету света?

Разве где-то не мерцает хоть один огонёк, зажженный человеческими руками?

Словно пытаясь убежать от ночи, которая приближалась с каждой минутой, она ускорила шаги. Но она не привыкла ходить на такие большие расстояния. Хотя и была уверена в своей физической силе, ее суставы ощущались такими тяжелыми, а сама она уже прерывисто дышала.

Она чувствовала себя подавленной.

Она задавалась вопросом: действительно ли она настолько беспомощна? Гордое сердце, волевой взор, способный в любой момент расправить грудь, дабы столкнуться с любыми трудностями. Таким человеком она должна была быть. И все же, как только она отошла на шаг от человеческих жилищ, и как только все люди, которые ее защищали, ушли, она оказалась в этом состоянии.

Ее головная боль становилась все хуже.

Выяснив этот неутешительный факт, она остановилась и прислонилась к ближайшему дереву, собираясь снова начать идти после того, как немного отдышится, но вместо этого медленно начала опускаться вниз. Хотя еще мгновение назад вокруг был дневной свет, в этой области близко растущих деревьев уже стало темно, как ночью, а может солнце зашло незаметно для нее. Как будто убаюкиваемая тьмой, ее веки невольно опустились.

«Я не могу спать! Я не могу спать! Я не могу заснуть!», - подумала она, но ее тело уже чувствовалось далеким. Ее ноги не слушали ее, как будто они принадлежали другому человеку, а невыносимая боль в голове постепенно уходила вдаль.

Вместо этого в ее сознание закрались бесчисленные, черные, словно ночь, волны. Не было больше борьбы с истощением тела и разума. Наконец, ее поза полностью изменилась, как и ее веки, и она осталась неподвижной.

Вдали снова завыл зверь.

Дул ночной ветер, словно разнося тьму в каждой нише.

Кто знает, сколько прошло времени.

Приближался шелест шагов, пробивающихся сквозь подлесок.

Но фигура, прислоненная к дереву, не пошевелилась. Она полностью потеряла сознание.

В то же время в Святилище Бога Дракона в Солоне, столице империи Мефиуса, перед алтарем стояла одна неподвижная женщина, которая известна, как наиболее набожная и преданная, чем кто-либо другой во дворце. Ее глаза были закрыты, а голова опущена, как будто она возносила молитву.

Императрица Мелисса Мефиус.

Ее пухлые красные губы выделялись на красивом лице, которое, несмотря на ее возраст, оставалось похоже на лицо молодой девушки. На этих губах появилась улыбка, и там, где никого не было, они прошептали:

«Охотничьи собаки спущены».

http://tl.rulate.ru/book/45912/1222338